

Революцию ждали не раздеваясь

Автобиография

Живу я долго — девяносто лет. Родился в г. Кронштадте, в семье преподавателя гимназии. У деда была дача в Петергофе, где мне случалось видеть маленького царевича Алексея на руках у дядьки, дюжего матроса.

Солдатская каска, шашка и шинель ("серов", как ее называли мы, дети), подаренные мне дядей в 1914 году, были любимыми игрушками, в них исток моей любви к России, готовности защищать ее от врагов.

Закончив в 1923 г. среднюю школу, я поступил работать телефонистом в арсенал Кронштадтской крепости. Радовали лихая матросская форма и кипучая комсомольская жизнь. Спали не раздеваясь. Ждали мировую революцию.

В 1925 г. меня рекомендовали на должность литсотрудника в газету "Красный Кронштадт". В 1928 г. я поступил на историко-лингвистический факультет Ленинградского университета.

В 1935 г. поступил в аспирантуру Института искусствознания АН СССР. В 1940 г. защитил кандидатскую диссертацию. Преподавал в Курском педагогическом институте. Получил звание доцента.

С первых дней войны я — в действующей армии. Менялись фронты: Западный, Калининский, Ленинградский, Волховский, 1-й Дальневосточный. Менялись должности: командир взвода, начальник разведполка, командир дивизиона, зам. командира полка, начальник штаба артиллерии. Шли чины (от мл. лейтенанта до майора), награды (имею пять боевых орденов и всевозможные медали), дважды был ранен. На войне сделал важный вывод: не стреляют — уже хорошо!

После войны — долгий путь литературной и научно-педагогической работы. Преподавал в Ленинградском и Московском университетах. Доктор филологических наук (1959), профессор (1961), заслуженный деятель науки (1980), член Союза писателей (1960).

Главная моя специальность — русская литература. За последние тридцать лет сделал еще один важный вывод: нужно жить для женщины. Теперь, пожалуй, все.

А. ЗАПАДОВ.

Недавно писателю профессору Московского государственного университета Александру Васильевичу Западovu исполнилось 90 лет. Автор множества книг и статей, посвященных истории русской литературы и журналистики, он создал на факультете журналистики МГУ научную школу медленного, редакторского чтения классических литературных произведений. Им и его учениками сделаны поразительные открытия там, где, казалось бы, ничего нового уже открыть невозможно, — в русской классике. Об одном из таких открытий его автор и рассказал нашему корреспонденту.

Российская газета. - 1997, - 28 марта. - с. 29

Толстой воспроизводит поведение женщины, страдающей наркоманией, со всеми последствиями этого пагубного пристрастия. Более того, в самый канун самоубийства Анна не ограничивается "обычной" дозой опиума. Толстой пишет, что, вернувшись в кабинет Вронского, Анна только "после второго приема опиума к утру заснула тяжелым, неполным сном".

В литературе о наркомании, а Толстой, как

следних перед самоубийством дней Анны Карениной, и вы убедитесь, что эта художественная картина точно соответствует известным Толстому научным, медицинским описаниям состояния наркомана в последней стадии его болезни.

Зачем эта потаенная история жизни его героини нужна была Толстому в романе "Анна Каренина"? Дело в том, что проблема наркомании, алкоголизма, никотиновой зависимости человека тревожила писателя чрезвычайно. В 1890 году Толстой выступил в печати со статьей "Для чего люди одурманиваются?", в которой из-

потребности в легком и приятно-праздном существовании он из-за такой фальши вынужден часто прибегать к папиросам или сигарам. Курит "пахитоски" и принимает наркотики Анна.

На протяжении всего романа курение героев означает их сделки с совестью, фальшь, безнравственность поступков или бессмысленность общественных действий и учреждений (дворянские выборы, деятельность докторов, проводы добровольцев на войну). Но в характере главной героини нравственная сверхзадача писателя отражена максимально.

Анна Каренина

как зеркало русской наркомании

Многие десятилетия для советских литературоведов Анна Каренина была символом свободы, любви и нравственного бунта против консервативных устоев российского общества. А между тем в романе Толстого есть такие штрихи биографии главной героини, проследив за которыми, мы вынуждены будем как минимум усомниться во многих традиционных оценках этого образа.

Речь идет об истории увлечения Анной Карениной наркотиками, о ее возрастающей к финалу романа зависимости от них.

Все началось в тот момент, когда Анна после тяжелых родов была практически при смерти. Физические страдания ее были ужасны. "Боже мой! Доктор! Дайте мне морфин! О боже мой, боже мой!" И она заметалась на постели.

Судя по всему, Анне уже было известно облегчающее действие морфия, иначе она бы не требовала его так страстно и уверенно.

Болела Анна долго. За это время Вронский, простившись с возлюбленной, успел выстрелить себе в грудь, выздороветь, получить назначение в Ташкент, а Каренина все болела и болела. Специалисты же утверждают, что достаточно в течение двух недель вводить большим морфий, и они уже впоследствии не смогут от него отказаться. У Анны скорее всего были эти две недели, если не больше.

Далее наркотик в романе упоминается в таком контексте. Анна в разговоре с женой брата Долли Облонской утверждает: "Ты говоришь, выйти замуж за Алексея и что я не думаю об этом!.. Нет дня и часа, когда бы я не думала и не упрекала себя за то, что думаю... потому что мысли об этом могут с ума свести. С ума свести, — повторила она. — Когда я думаю об этом, то я уже не засыпаю без морфина".

Проще сказать, она редко засыпает без морфия, потому что в жизни ее уже не было выхода, а был морфий как единственное средство, способное облегчить ее

страдания и дать успокоение. После разговора с Долли Анна, "вернувшись в свой кабинет, взяла рюмку и накапала в нее несколько капель лекарства, в котором важную часть составлял морфин, и, выпив и посидев несколько времени неподвижно, с успокоенным и веселым духом пошла в спальню".

Анну постоянно мучит мысль, что Вронский ее разлюбит. Ей казалось, что точно так же, как прежде, одной любовью и привлекательностью она могла удержать его. И так же, как прежде, занятиями днем и морфином по ночам она могла заглушить страшные мысли о том, что будет, если он разлюбит ее.

Короче говоря, упоминаний о том, что Анна Каренина регулярно принимала морфий, в романе довольно много, и перечисление их всех заняло бы слишком много места. Стоит обратить внимание на два эпизода двух последних дней Анны, подробно описанных Толстым в романе.

Мысль о смерти все настойчивее тревожит ее. "Когда она налила обычный прием опиума и подумала о том, что стоило только выпить всю склянку, чтобы умереть..." читателю становится совершенно ясно, что были "обычные" дозы, без которых она не могла жить.

известно, такую литературу знал, у больных по прекращению действия морфия неизменно отмечаются явления подавленности, упадка сил, ипохондричности, проявляющейся в сосредоточенном внимании больного ко всяким, даже незначительным неприятным ощущениям, которым дается преувеличенное, "бредовое" истолкование болезненной мнительности и т.п. Перечитайте описание двух по-

Каренина" с этой точки зрения, проанализируем их убеждения и поступки, мы заметим, что близки автору те персонажи, как, например, Левин или Долли, которые не курят и морфия не принимают. Их совесть чиста, и глушить ее незачем. Но курят Сафо Штольц и Бетси Тверская, курит Стива Облонский, чья натуре "фальшь и ложь были противны", но в силу слабости своего характера и всепобеждающей

По убеждению Толстого, Анна Каренина, любя Вронского более всего на свете и стремясь к прочности отношений с ним, преступает нравственные законы и по отношению к мужу, и по отношению к детям. Она вынуждена оставить сына, она не испытывает материнских чувств к дочери, она не хочет иметь детей от Вронского. В статье "О браке и призвании женщины" Толстой писал: "Результат брака — дети". Для него отказ от детей, от семьи — нравственное преступление, которое неизбежно повлечет за собой наказание. И Анна Каренина — художественное подтверждение его духовного максимализма.

Здоровому, нравственному человеку это наказание не грозит. Вспомним, как во время не таких уж легких родов Кити Левиной ее муж обегал все аптеки в поисках морфия и нигде без рецепта получить его не смог. Да морфия и не потребовался Кити, ибо она принадлежит к тому толстовскому типу женщин, который нравственного наказания не заслужил, поскольку нравственного преступления не совершал.

Наркомания Анны Карениной — художественная деталь ее биографии, и, на первый взгляд, деталь весьма незначительная. Но в том-то и дело, что в великих романах не бывает незначительных деталей. Учтем тяжелый недуг героини как факт, и мы будем вынуждены отказаться от традиционно негативных оценок других героев романа. Скажем, самого Каренина, у которого ничего особо отвратительного, кроме "больших ушей", и не обнаружится. Более того, мы вынуждены будем сказать, что этот роман не столько о праве личности на свободу любви, сколько об ответственности за эту свободу и за такую любовь.

Записал Владимир ВЕРИН.

Точетов д. Н.

28.03.97

99